ЗНАЧЕНІЕ

ВЫСШЕЙ РУССКОЙ ІЕРАРХІИ

И

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ЕЯ

СЛУЖЕНІЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВУ

до XVIII вѣка.

И. Покровскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1898.

OCII 5/24

ЗНАЧЕНІЕ

ВЫСШЕЙ РУССКОЙ ІЕРАРХІИ

И

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ЕЯ

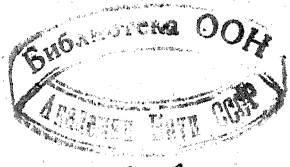
СЛУЖЕНІЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВУ

до XVIII вѣка.

И. Покровскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, Епископъ **Антоній.**



393
37

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ за 1898 годъ.

Работающіе въ области исторической науки для своихъ изслѣдованій обыкновенно стараются выбирать самые животрепещущіе вопросы, чтобы сразу встать въ ряды отвѣчающихъ на злобу дня. Мнѣ приходится извиняться предъ просвѣщеннымъ собраніемъ какъ за свою работу, такъ и въ томъ, что хочу занять вниманіе присутствующихъ и не новымъ, и не модным, и не злободневнымъ вопросомъ, напротивъ—очень старой исторіей объ открытіи, составѣ и предѣлахъ русскихъ епархій въ XVI—XVII вв. [1]). Выше всякаго сомнѣнія, что подобные вопросы слишкомъ неинтересны для привыкшихъ сводить исторію къ публицистикѣ и требовать отъ историка идейной глубокомысленной выдумки, прикрываемой именемъ „освѣщенія историческихъ явленій“ подъ тѣми или иными углами зрѣнія или съ тѣхъ или иныхъ точекъ обозрѣнія. Удовлетворяя вкусу потребителей и набивая цѣну своимъ работамъ, модные историки обходятъ скучные вопросы и, видимо, забываютъ, что современные вопросы легче и вѣрнѣе можно понять при пониманіи скучной старины. Но прежде, чѣмъ понять и эту самую старину, необходимо возстановить ее, затѣмъ изучить, а потомъ уже осмыслить какъ ее, такъ и совершавшіяся въ ней явленія. Къ счастью исторіи—этой нелицепріятной защит-

[1]) Настоящій оттискъ представляетъ собой рѣчь (прочитанную въ сокращеніи 22 февраля 1898 г.) предъ защитой магистерской диссертаціи „Русскія епархіи въ XVI—XIX вв. Ихъ открытіе, составъ и предѣлы“. Опытъ церковно-историческаго, статистическаго и географическаго изслѣдованія. Т. I. XVI—XVII вв. Казань. 1897 г.

ницы правды и руководительницы ясной мысли—проходятъ времена поверхностнаго обозрѣнія прошлаго съ точки зрѣнія настоящаго; съ каждымъ годомъ крѣпнетъ убѣжденіе, что историко-археологическія работы, возстанавливающія старину, должны предшествовать и служить основаніемъ синтетическихъ научно-историческихъ изслѣдованій по современнымъ вопросамъ.

Археологическія работы похожи на работы черноробочихъ, но безъ нихъ, при теперешнихъ требованіяхъ отъ исторіи, нельзя обойтись и бѣлоручкѣ историку. Тѣмъ не менѣе не скоро выведутся мудрецы, которыхъ мало интересуетъ изжитая историческая дѣйствительность и которые на все имѣютъ или устанавливаютъ свою точку зрѣнія и прошлое разсматриваютъ не само въ себѣ, а подъ своимъ угломъ зрѣнія, чаще съ точки зрѣнія настоящаго. Понятно, они не особенно цѣнятъ археологическія работы.

Относясь къ числу полуархеологическихъ работъ, и наше изслѣдованіе вызывало самыя разнорѣчивыя сужденія. Намъ въ продолженіе трехъ лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ столицъ, и кончая деревней, и отъ разныхъ лицъ — образованныхъ и полуобразованныхъ—приходилось выслушивать по поводу своей работы до противоположности несогласные толки. Знатоки въ области русской церковно-исторической жизни и науки называли ее интересной и прямо необходимой для уясненія важнѣйшихъ явленій и основныхъ вопросовъ не только церковной, но и государственной жизни; напротивъ, другіе, и видимо мало знакомые съ главными особенностями развитія русской исторической жизни, не безъ удивленія говорили: „вѣдь есть же люди, которые напрасно тратятъ трудъ и время на никому ненужныя безпринципныя изслѣдованія о

томъ, что было, да прошло и не воротится въ томъ видѣ, какъ было".

Обязанный защищать себя и свою работу, осмѣливаюсь назвать послѣднее мнѣніе слишкомъ несправедливымъ. „Опытъ церковно-историческаго, статистическаго и географическаго изслѣдованія о русскихъ епархіяхъ" не спеціально богословскаго, не моднаго политико-экономическаго и не мудренаго метафизическаго характера не безполезенъ для науки и жизни, и по одному своему заглавію не безпринципенъ. Въ немъ переплетаются принципы церковно-историческіе богословско-практическаго характера, и не богословскіе: политико-экономическій, географическій и статистическій. Скажутъ—это не принципы въ научной исторіи. Но тогда позволительно спросить, что же такое научный историческій принципъ? Отвѣтятъ—принципъ опредѣленная точка зрѣнія; но какая, опять вопросъ. Къ сожалѣнію такое пониманіе принципа въ научной исторіи ведетъ къ однобокимъ изслѣдованіямъ. Но оставимъ этотъ вопросъ.

О научномъ и жизненномъ значеніи изслѣдованій обыкновенно говорятъ критики, а не авторы. Послѣдніе могутъ говорить лишь о томъ, что уяснилось для нихъ во время разработки того или иного вопроса—въ данномъ случаѣ вопроса о русскихъ епархіяхъ. Хотя самое понятіе епархіи—мертвое понятіе, обозначающее только церковно-административный округъ, и исторія епархій не есть исторія живыхъ лицъ, тѣмъ не менѣе изученіе исторіи епархіальнаго устройства русской церкви уясняетъ не мало не только чисто научныхъ [1]), но и жизненныхъ вопросовъ.

---

[1]) О постепенномъ ростѣ русской государственой и церковной территоріи, о постепенномъ образованіи и территоріаль-

Съ понятіемъ епархіи неразрывно соединено понятіе о живой личности епархіальнаго архіерея, т. е. понятіе о высшей іерархіи. Исторія ихъ положительно неотдѣлима одна отъ другой. Стоитъ только понять это, какъ вопросъ о русскихъ епархіяхъ становится не только интереснымъ, но даже современнымъ, вѣрнѣе, всегда старымъ и всегда новымъ, особенно теперь, когда, послѣ нѣкоторыхъ колебаній при выработкѣ способовъ поднять умственный и нравственный уровень народа посредствомъ образованія, пришли къ мысли воспитать его не при землѣ только, но и при храмѣ, подъ наблюденіемъ епархіальнаго архіерея и ему подвѣдомственныхъ лицъ. Спокойные умы поняли, что на народной нивѣ хватитъ дѣла и государству, и земству, и духовенству. Къ сожалѣнію не всѣ понимаютъ значеніе дружной работы на общее благо, и не рѣдко создаютъ условія, въ которыхъ гибнутъ добрыя дѣла и полезные труды.

Одновременно съ призывомъ народа къ храму поучиться уму-разуму раздались и раздаются, то громко, то чуть слышно, несогласные голоса, со ссылкой на печальную старину русскаго народа, находившагося съ самыхъ первыхъ дней христіанства подъ непосредственнымъ руководствомъ іерархіи, не выполнившей своей задачи, въ качествѣ учительнаго сословія. Народные печальники, оглядываясь назадъ съ своей точки зрѣнія и осматривая старину подъ своимъ угломъ зрѣнія, не прочь считать духовенство кастой, непригод-

---

номъ устройствѣ русскихъ епархій, составлявшихъ область вѣдѣнія и владѣнія архіереевъ, долго напоминавшихъ о древнерусскомъ удѣльномъ строѣ; объ епархіальной подвѣдомственности монастырей, о количествѣ церквей по епархіямъ и др. вопросахъ, которые не могутъ быть выкинуты изъ очень сложной исторіи русской церкви.

дной къ великой миссіи и неспособной помочь общерусскому дѣлу народнаго образованія, забывая, что русская іерархія во многомъ уже сослужила службу и всегда была отзывчива на запросы времени; она всегда понимала нужды отечества.

Бросая самый бѣглый взглядъ на далекое прошлое и пользуясь знакомствомъ съ исторіей епархіальнаго и территоріальнаго устройства русской церкви, можно отмѣтить, что она сдѣлала и что мѣшало епархіальнымъ архіереямъ съ подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ сосредочиться на народномъ учительствѣ и религіозно-нравственномъ руководительствѣ; можно понять, — почему епархіальные архіереи, вмѣстѣ съ князьями прививши и распространивши христіанство въ своихъ областяхъ, долго вливали вино новое въ мѣхи ветхіе, какъ среди коренныхъ славянскихъ племенъ, такъ равно и на окраинахъ,—среди инородцевъ. Причина этого печальнаго явленія въ исключительныхъ условіяхъ развитія русской церковной, государственной и народной жизни, въ условіяхъ постоянно отвлекавшихъ высшую іерархію отъ прямой задачи учить народъ и тѣмъ самымъ перевоспитать полухристіанъ, очистивъ христіанство отъ старыхъ понятій языческаго міросозерцанія.

Начальная пришлая греческая и болгарская іерархія, имѣя за собой авторитетъ юридической мудрости, естественно прежде всего обратила вниманіе на правовое положеніе церкви въ государствѣ, принеся съ собой Номоканонъ и необыкновенно высокія понятія о царской власти. Чуждую іерархію постепенно смѣнила природная русская іерархія, но, будучи воспитана въ принципѣ поддержки царской власти, въ силу необходимости занялась не просвѣщеніемъ народа, а совре-

менной политикой и сослужила великую службу, хотя не столько церкви и народу, сколько государству. Епархіальные архіереи, въ качествѣ духовныхъ представителей и руководителей въ своихъ епархіяхъ, большей частью совпадавшихъ съ удѣльными княжествами, не могли отнестись безучастно къ удѣльной политической борьбѣ русскихъ князей, по одному тому, что интересы архіерейской каѳедры и княжескаго стола шли рука объ руку. Самое епархіальное устройство русской церкви совпадаетъ съ раздѣленіемъ Руси на удѣлы.

Князь Владиміръ, отпуская своихъ дѣтей на удѣлы, просилъ ихъ совѣтоваться въ дѣлахъ съ своими епископами и самъ ничего не предпринималъ безъ совѣта отца своего — митрополита. Христіанство и быстро организованное однообразное епархіальное устройство сразу объединили этнографически разрозненныя славяно-русскія и инородческія области. Церковно-административное единство, будучи связующимъ началомъ русскихъ областей и земель, содѣйствовало централизаціи ихъ сначала около Кіева, а затѣмъ около Владиміра и Москвы, гдѣ жили митрополиты и великіе князья, пока политическая интрига польско-литовскихъ королей, противъ которой ничего не могла сдѣлать іерархія, не разбила единую Русь на двѣ половины, какъ въ государственномъ, такъ и церковномъ отношеніи. Успѣхъ польско-литовской политики, несомнѣнно былъ бы значительнѣе, если бы Русь и въ церковномъ отношеніи подверглась удѣльно-вѣчевому дробленію, соотвѣтственно княжескимъ границамъ. Но къ счастью мирное и враждебное дробленіе княжествъ только отчасти отразилось на территоріальномъ устройствѣ епархій, особенно сѣверо-восточныхъ. Извѣстно, что

русскіе князья-отцы, при смерти или задолго до нея, посредствомъ раздачи въ управленіе и владѣніе своимъ сыновьямъ отдѣльныхъ городовъ и областей дѣлали нѣсколько новыхъ княжествъ или государственно-административныхъ единицъ. Младшіе князья обязывались слушаться старшаго въ родѣ, но часто не исполняли своихъ обѣщаній; многіе изъ нихъ стремились быть самостоятельными, изъ-за чего ссорились, даже дрались, ослабляя другъ друга. Епископъ, занимавшій каѳедру въ городѣ старшаго князя, мирилъ враждовавшихъ и своей епархіей объединялъ вновь образовавшіеся удѣлы и такимъ образомъ не давалъ распасться маленькимъ княжествамъ и погибнуть во взаимной враждѣ [1]).

Нѣкоторыя епархіи объединяли цѣлые десятки удѣльныхъ княжествъ. Сопоставленіе схематической таблицы образованія удѣловъ съ подобной же таблицей образованія епархій можетъ говорить яснѣе словъ. Однако укажемъ примѣры. Черниговскій епископъ своей епархіей объединялъ обширныя области черниговo-сѣверскихъ и муромо-рязанскихъ князей. Въ концѣ XII или въ началѣ XIII в. его область раздѣлилась на двѣ епархіи, быть можетъ соотвѣтственно этнографическимъ особенностямъ. Образовавшаяся такимъ образомъ новая Муромо-Рязянская епархія объединила княжества Муромское, Рязанское и Пронское съ болѣе мелкими княжествами; Черниговская епархія осталась объединять чернигово-сѣверскія и брянскія области. Громадная Ростовская епархія до 1214 года объединяла весь сѣверо-востокъ — области: Ростовскую, Бѣлоозерскую,

[1]) Греческіе каноны, принятые на Руси и требовавшіе соотвѣтствія между гражданскимъ и церковнымъ дѣленіемъ, при удѣльно-вѣчевомъ строѣ не имѣли полнаго примѣненія. Отступленіе оказалось очень важнымъ для церковной и политической централизаціи.

Углицкую, Владиміро-суздальскую и др. Въ 1214 г. она распалась на двѣ: Ростовскую и Суздальскую. Ростовская епархія объединяла сѣверо-западные удѣлы, во главѣ съ ростовскимъ, до новгородскихъ владѣній, Владиміро-Суздальская — объединяла юго-восточные удѣлы, во главѣ съ Владиміро-суздальскимъ. Въ концѣ XIII в. она уступила мѣсто митрополичьей области, на территоріи которой, при взаимодѣйствіи митрополита и князя, выросло и упрочилось Московское государство.

Удѣльные князья вполнѣ понимали силу и прочность связи между мелкими княжествами, вносимую епархіальнымъ объединеніемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, получивъ владиміро-суздальскій великокняжескій столъ, для усиленія и цѣлостности своего родоваго княжества, открывали особыя епархіи въ родовомъ удѣлѣ. Такъ сдѣлалъ великій князь Ярославъ Ярославичъ тверской (ок. 1271 г.), открывъ Тверскую епархію. Отдѣльный епископъ, объединивъ мелкіе удѣлы родственныхъ князей — тверскихъ, кашинскихъ, никулинскихъ, холмскихъ, доргобужскихъ и др., возвышалъ сравнительно незначительное княжество и придавалъ особый авторитетъ старшему тверскому удѣльному князю. Тверскіе архіереи не оставались безучастными въ долгой борьбѣ Твери съ Москвой изъ за великокняжескаго стола и одинъ изъ нихъ (Андрей) стяжалъ печальное имя лжеца, оклеветавъ по дьявольскому, вѣрнѣе по княжескому, наущенію, предъ патріархомъ въ симоніи м. Петра, дѣйствовавшаго всецѣло въ пользу московскихъ князей. Открытіе Владиміро-Суздальской епархіи обязано также стремленію усилившагося тамошняго князя Юрія Всеволодовича II-го къ полной самостоятельности и дальнѣйшему могуществу.

Взаимность дѣйствій и интересовъ великихъ князей съ митрополитами, удѣльныхъ великихъ князей съ своими епископами, всегда сопровождалась взаимной поддержкой. Епископъ поддерживалъ князя, внушая подданнымъ высокое понятіе о власти, убѣждая народъ къ полной покорности ей; князья жаловали своихъ отцовъ и богомольцевъ и обезпечивали архіерейскія каѳедры. При удѣльной обособленности и постоянныхъ усобицахъ народъ составлялъ для князей предметъ владѣнія и собственности, для архіерея—паству, которую онъ обязывался учить вѣровать и молиться, но, къ сожалѣнію, по условіямъ неспокойнаго времени, не всегда вникалъ въ то, во что и какъ вѣровалъ народъ и чему учили его ближайшіе руководители—пастыри; послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, являлись не столько учителями, сколько лучшими выразителями народной религіи, смѣшавшей вѣру съ суевѣріемъ, христіанскій обрядъ съ языческимъ обычаемъ, христіанскій праздникъ съ старымъ миѳическимъ культомъ. Однако находились владыки, которые при самыхъ невозможныхъ условіяхъ лично ѣздили по епархіи освящать храмы и благословлять свою паству (напр. Симеонъ и Евѳимій новгородскіе). Св. Стефанъ пермскій, чуждый политики, защитникъ бѣдняковъ своей инородческой паствы, кормилецъ голодныхъ, зналъ всѣ проѣзжія и прохожія дороги въ Новгородъ и Москву. Онъ былъ истиннымъ апостоломъ въ своей епархіи. Другіе архіереи чаще ограничивались посланіями.

Татарщина, тяготѣвшая надъ Русью около двухъ съ половиною вѣковъ, увеличила значеніе іерархіи и матеріальное могущество церкви. Но русская іерархія не пожелала воспользоваться своей силой и угнетеннымъ состояніемъ князей; она не ввела на Руси тео-

кратіи, не усвоила папистическихъ идей и не знала систематическаго клерикализма; напротивъ, будучи вѣрной самой себѣ, неуклонно продолжала свою политику и шла по пути развитія государственныхъ понятій для возвышенія царской власти. Сохранивъ сѣверо-восточную Русь отъ гибели въ междуусобицахъ князей, она содѣйствовала созданію единодержавнаго Московскаго государства, которое могло не опасаться подвергнуться участи западной Россіи, страдавшей подъ гнетомъ религіозно-политической зависимости отъ польско-литовскаго правительства. И польско-литовское правительство понимало объединительное значеніе іерархіи и епархій. Оно добилось открытія особой митрополіи и отдѣленія ея отъ Москвы. Черниговская епархія, служившая связующимъ звѣномъ двухъ русскихъ половинъ, прикрыта (1499 г.), такъ какъ епископы ея тяготѣли то къ Москвѣ, то къ Литвѣ.

Политическій характеръ дѣятельности іерархіи въ силу необходимости долго не могъ измѣниться. Но вотъ въ Московскомъ государствѣ, созданномъ при дѣятельномъ участіи духовенства, явились почти одинъ за другимъ два царя Ивана. Одинъ изъ нихъ, Иванъ III, протянулъ руку къ матеріальнымъ достаткамъ церкви, желая возвысить государство въ ущербъ церкви, а свою власть въ ущербъ власти іерархіи. Его внукъ, Иванъ IV Грозный, поднялъ царя до недосягаемаго величія и горько отплатилъ церковной іерархіи, а съ ней боярщинѣ, отчасти и народу, за ихъ услуги государству.

При Грозномъ заговорили о просвѣтительныхъ задачахъ духовенства. О нихъ напомнилъ Стоглавъ (1551 г.), выставивъ одной изъ прямыхъ задачъ духовенства народное учительство подъ главнымъ руко-

водствомъ епархіальнаго архіерея. Онъ постановилъ завести школы по городамъ и селамъ подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ приходскаго духовенства, въ которыхъ могли подготовляться годные священнослужители. Но и тогда о школахъ только поговорили. Напоминаніе Стоглава совпало въ Московскомъ государствѣ съ печальными страницами исторіи разыгравшихся непріятныхъ столкновеній между свѣтской и церковной властями изъ-за юридическихъ правъ и экономическихъ интересовъ.

Отстоявъ въ значительной мѣрѣ свои права, іерархія отстояла свой авторитетъ въ глазахъ народа, пока умѣвшаго цѣнить не только силу нравственнаго вліянія, но и обширность юридическихъ и экономическихъ правъ. Понятно, что представители іерархіи, идя въ уровень съ вѣкомъ, вмѣсто того, чтобы руководить народнымъ образованіемъ, потратили не мало энергіи, ратуя за свое независимое положеніе въ государствѣ и отстаивая давнишнія архіерейскія права собственниковъ и владѣльцевъ въ своихъ епархіяхъ. Матеріальная сила и авторитетъ іерархіи, сохранившей свою независимость съ удѣльно-владѣльческимъ характеромъ, принесли иной плодъ. Они сохранили за духовенствомъ прежнее могущество и обаяніе на народъ и тѣмъ самымъ дали ему возможность, сообща съ народомъ, противостоять чуждому вліянію въ тяжелыя времена самозванщины и безурядицы въ Московскомъ государствѣ.

Въ 1584 году умеръ великій и жалкій человѣкъ Иванъ Грозный. Царскій престолъ, облитый кровью жертвъ царской жестокости, граничившей съ безуміемъ, былъ забрызганъ кровью послѣдняго рюриковича, Димитрія царевича, и сдѣлался предметомъ иска-

тельствъ. Въ это печальное время надъ Русью разразилась было туча, грозившая ей уничтоженіемъ національности. Іерархіи предстояла новая задача защищать русскую національность, неотдѣлимую отъ православія. Духовенство слилось съ народомъ и отстояло Русь. Представители церкви въ лицѣ патріарховъ Іова, Гермогена, митрополитовъ Ефрема казанскаго, Исидора новгородскаго, владыкъ тверского Θеоктиста, суздальскаго Галактіона, псковскаго Іосифа и наконецъ митр. ростовскаго Филарета платили цѣной жизни, чтобы поднять народный духъ. Мученики и страдальцы чуть не на развалинахъ Россіи спасали и вѣру, и національность, и русское представительство въ домѣ Романовыхъ.

Предвидя хитрую политику латинства и протестантства, вторгавшихся въ сѣверо-восточную Русь, московское духовенство даже отклонило мысль Бориса Годунова завести школы для преподаванія иностранныхъ языковъ и вызвать въ Россію просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи. Малопросвѣщенное русское духовенство чувствовало свою слабость въ борьбѣ съ иновѣрцами, которые вмѣстѣ съ наукой умѣли прививать къ русскому человѣку иновѣріе, намѣчая ему путь къ потерѣ національности. Духовенство успѣло разбить очень важные планы Бориса, но очень опасные для русскаго человѣка. Эту осторожность іерархіи ставятъ въ непростительную вину духовенству, и вмѣсто того, чтобы снять черныя краски съ не столь темнаго пятна на духовенствѣ, сгущаютъ ихъ, забывая, что тутъ не было худа безъ добра. Успѣхъ иноземнаго образованія могъ быть сомнительнымъ, а зло непоправимымъ. Опасливостью духовенства, нерасположеннаго къ иновѣрцамъ, можно объ-

яснить то счастье, что въ необыкновенно тяжелыя времена ни латинская, ни протестантская пропаганда не нашли себѣ достаточно прозелитовъ среди москвичей, а самозванецъ, оскорблявшій народныя религіозныя чувства, погибъ растерзанный толпой. Сѣверо-восточная Русь не сдѣлалась провинціей Польши и не испытала горькой судьбы западной Россіи. Въ ней, не взирая на обширность пространства, остались господствовать единовѣріе и единоправіе, о чемъ и хлопотало московское духовенство, отстраняя просвѣтительные планы Бориса.

При несомнѣнныхъ заслугахъ іерархіи, всегда новая и всегда старая ея просвѣтительная задача оставалась не выполненной. Высшая іерархія никогда не отказывалась отъ нея, но и не отдавалась ей всецѣло, напротивъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ постоянно и невольно оставляла свою главнѣйшую обязанность, какъ только выдвигались новыя заботы, которыхъ никакъ нельзя было оставить безъ вреда для церкви, государства и національнаго самосознанія. Но архіереямъ всегда приходили на помощь храмъ и монастырь, питавшіе и поддерживавшіе религіозное чувство народа. Богослуженіе и древне-русская, исключительно духовная литература, выходившая въ народное обращеніе изъ архіерейскихъ палатъ и переднихъ, изъ убогихъ хижинъ священнослужителей и тѣсныхъ келій, приходилась по сердцу старому грамотѣю и неграмотному слушателю, развивая въ нихъ силу вѣры и привязанности къ православію, ревниво охраняемому духовенствомъ. О внутреннемъ достоинствѣ древне-русской литературы мы не говоримъ.

Въ освобожденной Россіи сѣверо-восточные архіереи удержались на прежней высотѣ въ глазахъ на-

родныхъ массъ и по прежнему остались не только руководителями ихъ, но и владѣльцами—собственниками въ своихъ обширныхъ епархіяхъ, сосредочившись около царскаго отца, Филарета, возведеннаго въ санъ патріарха. Защитникъ вѣры и національности, послѣ томительнаго плѣна, сѣлъ рядомъ съ сыномъ. Широкія юридическія и экономическія права въ огромной патріаршей области, обнимавшей болѣе 40 городовъ въ нынѣшнихъ 16 епархіяхъ, до нѣкоторой степени сравняли государя-патріарха съ государемъ царемъ. Казначеи, дворецкіе и другіе единоличные органы патріаршаго управленія замѣнены приказами, по образцу государственнаго строя; домашній бытъ и вся обстановка не отличалась отъ царской. Епархіальные архіереи по мѣрѣ возможности во всемъ стали подражать патріарху. Можетъ казаться, что наступало время народнаго образованія подъ руководствомъ іерархіи, особенно если припомнимъ, что п. Филаретъ подъ конецъ своей жизни († 1633 г.) устроилъ во Москвѣ греческое училище. Но оно скоро прикрылось и, какъ оказалось, было тяжелымъ починомъ въ нелегкія времена.

Правда, бурное начало XVII в., съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича на царство, а его отца Филарета въ патріархи, смѣнилось сравнительнымъ затишьемъ. Національность и національная власть спасены, высшая церковная іерархія, поруганная Грознымъ въ лицѣ святителя Филиппа, усилилась, имѣя во главѣ могущественнаго патріарха, но отголоски самозванщины и польщизны давали себя чувствовать и народнымъ массамъ, и церковнымъ учрежденіямъ—архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и приходамъ. Разоренный и измученный народъ, а съ нимъ и духовенство, знали къ кому взывать, у кого просить помощи и заступленія,

припѣвая „царь государь, смилуйся, пожалуй“, но чаще эти вопли оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Войны послѣ изгнанія поляковъ долго не прекращались и шли не особо счастливо. Государственная и церковная территорія, оттертая съ запада и потерявшая значительныя области, включая Смоленскую и Черниговскую, хотя увеличивалась, но увеличивалась на востокѣ, въ холодной Сибири, и на пустынномъ югѣ, въ донскихъ степяхъ. Такое внѣшнее увеличеніе ослабляло внутреннія силы государства, вольно и невольно отливавшія на окраины Россіи. За неимѣніемъ излишка населенія въ центрѣ, всюду отмѣчалась пустота. И въ то время, когда центральныя области нуждались въ упорядоченіи государственной и церковной жизни, правительство должно было смотрѣть на окраины. Словомъ потревоженная Русь стала приходить въ себя при сравнительно тяжелыхъ обстоятельствахъ и, поправляя одно, часто вредила другому. Тѣмъ не менѣе національныя движенія, вызванныя притокомъ западныхъ теченій, многосложные недостатки государственной и церковной жизни заставили ее, не упуская времени, оглянуться кругомъ. Она оглянулась и не могла не замѣтить своей внутренней слабости. Тяжелое сознаніе усилило государственную дѣятельность, выразившуюся въ составленіи Уложенія (1649 г.), затронувшаго интересы духовенства. Со времени Уложенія постепенно выдвигаются серьезные вопросы объ образованіи, церковныхъ исправленіяхъ, объ очищеніи нравовъ и даже о миссіи, въ связи съ вопросомъ объ иновѣрцахъ. Къ сожалѣнію Уложеніе по прежнему считало надежнымъ средствомъ всевозможныхъ улучшеній главнымъ образомъ запрещенія и жестокія, чаще тѣлесныя, наказанія. Для выработки лучшихъ мѣръ нельзя

было обойтись безъ содѣйствія духовныхъ отцовъ—епархіальныхъ архіереевъ. Но миновали внѣшнія препятствія, снова явились внутреннія, мѣшавшія дѣлу. Во-первыхъ, опять столкнулись интересы государства съ интересами церковной власти; во-вторыхъ, архіереевъ было слишкомъ мало, что бы они лично могли вникать во все въ своихъ обширныхъ епархіяхъ.

Когда сѣверо-восточная Русь стягивалась къ Москвѣ, а Москва, забирая въ свои руки богатства страны, вмѣстѣ съ защитой національности, хлопотала о цѣлостности своей государственной территоріи, епархіальное дробленіе и разладъ правительственной власти съ іерархіей были особенно невыгодны для государства; теперь, со смертью патріарха Филарета, потратившаго много труда на государственное дѣло и возвышеніе власти своего сына, со вступленіемъ на престолъ патріаршаго внука Алексѣя Михайловича, само правительство хочетъ защищать собственные интересы, вторгаясь въ дѣла церкви. При такихъ стремленіяхъ впереди выступили свѣтскіе государственные люди и съ государственными выгодами. Монастырскій Приказъ, учрежденный Уложеніемъ, въ интересахъ свѣтскаго правительства сокращалъ юридическія и экономическія права іерархіи, и тѣмъ самымъ заставилъ представителей духовной власти снова тратить не мало энергіи на защиту своихъ правъ и средствъ, уклоняясь отъ выдвинутыхъ просвѣтительныхъ задачъ.

Сокращеніе старинныхъ правъ архіерейской власти, а вмѣстѣ и правъ вновь образованной приказной епархіальной церковно-владѣльческой администраціи, необходимо отражалось на сокращеніи каѳедральныхъ средствъ. Весьма полезное для церкви и народа уменьшеніе епархіальныхъ территорій, вмѣстѣ съ увеличе-

ніемъ числа епархій, еще больше могло сокращать содержаніе архіерейскихъ домовъ съ ихъ многочисленными штатами. Средства каѳедры и ея администраціи всегда находились въ прямой зависимости отъ епархіальныхъ территорій, количества данныхъ церквей и тяглаго при нихъ духовенства, судебныхъ разбирательствъ, ставленническихъ и брачныхъ дѣлъ, недвижимыхъ земельныхъ и другихъ богатствъ. Поэтому и территоріальная убыль являлась совсѣмъ нежелательной для архіереевъ. Естественно, что сильные давнишніе владыки ревниво охраняли предѣлы своихъ епархій, не упуская даже случая при первой возможности раздвинуть ихъ. При такомъ характерѣ владычнихъ стремленій, поддерживаемыхъ историческими условіями тогдашней жизни, епархіальный архіерей, въ качествѣ духовнаго руководителя и просвѣтителя подвѣдомственной ему паствы, конечно не имѣлъ возможности отдаться мысли направлять церковную жизнь по желательному пути улучшеній и лично слѣдить за дѣятельностью епархіально-владѣльческой администраціи въ обширной епархіи.

Свѣтскій элементъ, усилившійся со времени учрежденія Монастырскаго Приказа, только мѣшалъ епархіальному управленію. Свѣтское чиновничество не входило въ интересы духовной жизни и нравственнаго развитія общества. Принципъ кормленія все еще служилъ единственнымъ стимуломъ дѣятельности всѣхъ, даже ближайшихъ къ архіерею органовъ епархіальнаго управленія. Архіереямъ оставалось пока мириться со всѣмъ, и вмѣсто того, чтобы встать во главѣ народнаго просвѣщенія, они продолжали править въ своихъ обширныхъ епархіяхъ мірскимъ воинствомъ, а не чрезъ богобоязненныхъ священниковъ и достойныхъ пасты-

рей, какъ совѣтовалъ еще въ 1503 году вдовый священникъ Георгій Скрипица, и опираться на внѣшнія воздѣйствія, узаконенныя Уложеніемъ. Между тѣмъ немногочисленныя сѣверо-восточныя епархіи быстро разростались, особенно окраинныя, гдѣ, вмѣстѣ съ колонизаціей шла христіанская миссія, обязанная поступательному движенію русской вѣры, народности и государственности въ глубь пустынныхъ степей и инородческихъ странъ. Но такъ какъ въ первой половинѣ XVII в. почти всѣ сѣверо-восточныя епархіи (помимо Псковской, Тверской и Суздальской) одновременно оказывались центральными и окраинными, то онѣ всѣ росли, хотя не въ одинаковой мѣрѣ. Быстрѣе другихъ разрослась патріаршая область; къ половинѣ XVII в. она имѣла свои города почти по всей русской сѣверо-восточной государственной территоріи. Самый центръ, съ Москвой, принадлежалъ ей. На *югъ* патріарху принадлежали мѣста въ бассейнѣ средняго Донца, на *западъ* въ верховьяхъ Десны, на *сѣверъ* въ бассейнѣ Печоры, на *востокъ* его область чуть не доходила до Уральскихъ горъ. Новгородская епархія обнимала весь нынѣшній русскій сѣверъ, съ епархіями: Новгородской, Олонецкой, Петербургской, отчасти Вологодской и Архангельской. Ростовская, Вологодская и Рязанская были слишкомъ велики, чтобы каждую изъ нихъ вѣдать одному архіерею. Два царства, Казанское и Астраханское, съ инородческимъ востокомъ цѣлое полустолѣтіе принадлежали одному архіерею и только въ началѣ XVII в. (1602 г.) раздѣлены на двѣ обширныя епархіи—Казанскую и Астраханскую. Необъятная Сибирь, куда до 1620 года высылалъ священниковъ вологодскій владыка, имѣвшій весьма обшир-

ную собственную епархію, досталась въ удѣлъ одному архіерею [1]).

Смотря на географическую карту, нельзя не убѣдиться, что для тогдашнихъ архіереевъ положительно невозможны были ни личный объѣздъ епархій, ни непосредственный надзоръ за пастырями, ни архипастырское руководство паствой. При такихъ условіяхъ, вмѣстѣ съ ростомъ епархій могли расти только упущенія по управленію ими. Вновь завоеванныя и заселенныя мѣста, отстоявшія на цѣлыя сотни, если не тысячи, верстъ отъ каѳедральнаго города, никогда не видѣли своего архіерея, предъ именемъ котораго благоговѣлъ русскій народъ. Тамъ даже не вездѣ были священники. Нерѣдко отдаленныя церкви стояли безъ пѣнія, а прихожане пробавлялись услугами какихъ-нибудь бѣглыхъ поповъ, быть можетъ самозванцевъ. Однако, какъ ни было трудно, все же находились самоотверженные архипастыри, предпринимавшіе поѣздки по епархіямъ съ просвѣтительной цѣлью. Мисаилъ рязанскій заплатилъ цѣной жизни за спасеніе инородцевъ, погибавшихъ во тьмѣ язычества. Частыя и неизбѣжныя отлучки архіереевъ изъ своихъ епархій ухудшали дѣло.

При несомнѣнномъ значеніи іерархіи въ общецерковныхъ и государственныхъ дѣлахъ, при старинныхъ порядкахъ избранія и поставленія епископовъ на вакантныя каѳедры, иной разъ остававшіяся подолгу безъ своего архипастыря, архіереи постоянно оказы-

[1]) При составленіи Уложенія и учрежденіи монастырскаго приказа въ Московскомъ государствѣ были слѣдующія епархіи: область Московскаго и всея Россіи патріарха, епархіи: Псковская, Новгородская, Тверская, Ростовская, Вологодская, Суздальская, Сарская (Крутицкая близъ Москвы), Коломенская, Рязанская, Казанская, Астраханская и Сибирская.

вались въ Москвѣ; при этомъ одни ѣхали по вызову „годовать“, другіе отправлялись добровольно, чаще по обычаю на поклонъ и съ приносами къ царю и патріарху. Поѣздки эти стоили денегъ и требовали времени. Къ счастью для архіереевъ и къ невыгодѣ для церковной жизни половина каѳедральныхъ городовъ 12-ти тогдашнихъ архіерейскихъ сѣверо-восточныхъ епархій находилась въ незначительномъ разстояніи отъ Москвы. Крутицкій архіерей жилъ близъ нея на Крутицахъ, суздальскій имѣлъ чуть не половину своей чрезполосной епархіи между Окой и р. Лужей и чаще проживалъ въ Москвѣ; Коломна, Ростовъ, Тверь и Рязань [1]) стояли въ 100 — 200 верстахъ отъ нея. Нынѣ эти постоянныя архіерейскія поѣздки могутъ показаться странными; тогда онѣ являлись не только обычными, но даже необходимыми. Какъ-то и въ Москвѣ мало обращалось вниманія на то, что епархіи, оставаясь безъ архіереевъ, переживали тяжелыя времена. Ставленники бѣдствовали безъ посвященія или вынуждались отмѣривать цѣлыя сотни верстъ къ ближайшимъ архіереямъ. Во время отлучекъ церковное управленіе всецѣло ввѣрялось подручному и отдаленному епархіальному начальству, носившему владѣльческій характеръ, у котораго духовные интересы отступали на второй планъ, а на первый выступали только матеріальные. Когда архіерей былъ дома, у него, какъ прежде, такъ и теперь, было не одно дѣло. Онъ былъ духовнымъ руководителемъ и владѣльцемъ въ своей епархіи, блюстителемъ отечественныхъ интересовъ и печальникомъ за народъ. При многосложности обязанностей обширность епархій и та территоріаль-

[1]) Коломна 109 в., Рязань 185 в., Суздаль—210, Тверь—156 в., Ростовъ—209.

ная путаница, какой мы не можемъ себѣ представить, положительно мѣшали выполнять долгъ самому энергичному владыкѣ.

Города, монастыри и церкви одной епархіи, разбрасываясь на далекое пространство, сплошь и рядомъ, заходили въ территоріи сосѣднихъ епархій. Эта унаслѣдованная путаница осложнялась вотчиннымъ строемъ русскихъ церковныхъ учрежденій. Вотчины и вотчинныя церкви съ домовыми монастырями отстояли отъ каѳедральныхъ городовъ еще дальше, чѣмъ епархіальные приходы; они разбрасывались на сотни верстъ по чужимъ епархіямъ. Патріаршія вотчины находились въ Ростовскомъ, Московскомъ, Дмитровскомъ, Коломенскомъ, Переяславльскомъ, Юрьевъ-Польскомъ, Суздальскомъ, Владимірскомъ, Нижегородскомъ, Костромскомъ уѣздахъ, у Соли Вычегодской, въ Вологодскомъ, Бѣлозерскомъ уѣздахъ и на Пинегѣ. Вотчины подмосковной крутицкой каѳедры были и въ Кокшайскомъ уѣздѣ (с. Сундырь или Марьинской посадъ); вологодская каѳедра имѣла села подъ Москвой; суздальской принадлежали вотчины въ Московскомъ и даже Симбирскомъ уѣздахъ; въ Епифанскомъ уѣздѣ были вотчины новгородской, сарской и коломенской каѳедръ.

Вотчинными церквами и монастырями завѣдывали архіереи-собственники, назначая туда управителей и членовъ причта. Причты вмѣстѣ съ крестьянами по церковнымъ и судебнымъ дѣламъ тянули къ центральному владѣльческому епархіальному пункту; туда они платили разные сборы, тамъ судились, и тамъ же вершились причтовыя дѣла. На каѳедральныхъ земляхъ по архіерейскимъ жалованнымъ грамотамъ и на оброкѣ жило и кормилось много архіерейскихъ бояръ, боярскихъ дѣтей и служилыхъ всякаго чина. Все это было

необыкновенно перепутано, разрознено и, конечно, вредило обще-епархіальному строю, мѣшая быстротѣ и правильности судебныхъ процессовъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка, вѣрнѣе безпорядка, являлись беззаконный самосудъ и волокита съ ихъ печальными послѣдствіями. Искавшіе правъ часто шатались по судамъ за сотни, даже тысячи верстъ, наводняя собой архіерейскіе приказы, особенно патріаршіе. Сюда же тащились ставленники и задумавшіе перейти въ новый приходъ. Тутъ же всевозможные дьяки и подъячіе чуть не до нитки обирали жалкихъ священно-служителей и кандидатовъ-пѣшеходовъ, растоптавшихъ свои послѣднія лапти.

На десятильничихъ дворахъ и въ уголкахъ, отдаленныхъ отъ каѳедральныхъ городовъ, совершались еще большія непотребства. Десятильники, боярскія дѣти, дворяне, заѣзчики и т. п. творили „всякое безчиніе“ священному чину—налоги, обругательства, убытки и много другого въ этомъ родѣ. Духовенство, шедшее въ уровень съ вѣкомъ и нечувствовавшее надъ собой архипастырскаго глаза, не рѣдко и само вливало каплю горечи въ епархіальную жизнь. Смѣлые клирики и попы обманно ставились, гдѣ хотѣли; бродячее духовенство служило безъ грамотъ, не признавая никакого суда и власти,—вѣнчало безъ разбору.

Епархіальный архіерей часто могъ видѣть вокругъ себя безпорядки, но не могъ прекратить ихъ. У каждаго мѣстнаго архіерея по сосѣдству часто хозяйничали чужіе люди, а своихъ онъ долженъ былъ слать за сотни верстъ. Свѣтская власть постоянно вмѣшивалась въ дѣла церкви и церковнаго суда и вмѣсто порядковъ чаще производила безпорядки, особенно со времени Уложенія 1649 г. и учрежденія Монастырскаго

приказа, сразу столкнувшихся съ гражданской неподсудностью духовенства и удѣльной обособленностью церковнаго вѣдомства, выдѣлявшагося въ общемъ государственномъ строѣ въ особыя территоріально-административныя единицы — епархіи, стоявшія внѣ всякаго соотвѣтствія съ тогдашнимъ гражданскимъ дѣленіемъ Россіи на воеводства.

Богатые монастыри съ несудимыми грамотами, имѣвшіе свои вотчины и приписные монастыри въ разныхъ епархіяхъ, не зная почти никакой епархіальной зависимости, невольно помогали разстраивать епархіальное управленіе и доставляли не мало безпокойства мѣстнымъ архіереямъ. Въ 1659 году псковскій архіепископъ Макарій жаловался на старца Леонтія—строителя псковскихъ Стефановскаго и Никольскаго монастырей, приписанныхъ къ знаменитому звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю, что духовной любви его (Леонтія) къ нему, архіепископу, не было; владыка посылалъ звать его къ себѣ, но онъ не слушался. Подобная жалоба была отъ рязанскаго архіерея.

При путаницѣ территорій и владѣній обширныхъ и безпорядочно разграниченныхъ епархій между самими архіереями возникали недоразумѣнія. Митрополитъ Макарій еще въ дни Стоглава столкнулся съ рязанскимъ архіепископомъ Касьяномъ изъ-за Шацка; позже у новгородскихъ архіереевъ вышли недоразумѣнія съ вологодскими, у коломенскихъ и воронежскихъ съ рязанскими, у вятскихъ съ вологодскими. Замѣшательствами пользовались служилые люди и тяглое духовенство, обязанное содержать своего архіерея: одни, чтобы больше получать, другіе, чтобы совсѣмъ не платить, а третьимъ, напротивъ, приходилось расплачиваться вдвойнѣ и страдать отъ лишнихъ поборовъ.

Отъ всего этого происходило „веліе смятеніе“, отражавшееся на епархіальномъ управленіи, а вмѣстѣ на умственной и нравственной отсталости духовенства и народа, о которыхъ хорошо помнили сборщики, но забывали просвѣтители.

Наступила вторая половина XVII в., время особыхъ движеній въ области церковно-административной и религіозной жизни сѣверо-восточныхъ епархій. Созываются одинъ за другимъ соборы по важнымъ церковнымъ дѣламъ. На нихъ возбуждаются такіе вопросы: какъ о положеніи церкви въ государствѣ, вызванный дѣломъ Никона, ратовавшаго противъ Монастырскаго приказа, о расколѣ, объ образованіи духовенства, просвѣщеніи народа, объ упорядоченіи церковнаго суда и др. Нельзя было не затронуть нашего вопроса объ епархіяхъ. Малочисленностью и обширностью сѣверо-восточныхъ епархій, слабостью и отсутствіемъ непосредственнаго святительскаго надзора и руководства на соборахъ второй половины XVII в. объясняли многія печальныя явленія тогдашней русской жизни. Образованіе и просвѣщеніе, не только паствы, но и пастырей, не двигалось ни на шагъ, миссій среди инородцевъ не было, остатки язычества не выводились изъ среды чисто русскаго народа. Окраины государства все раздвигались, но архіереевъ туда не назначали. Однако оставить безъ надзора тамошнихъ христіанъ нельзя было. Поэтому патріархъ и царь слали на окраины грамоты воеводамъ съ строгими наказами запрещать суевѣрныя и безнравственныя игры и языческіе обычаи; ослушниковъ велѣно бить батогами; воеводамъ приказывалось по воскреснымъ днямъ собирать въ соборныя церкви игуменовъ, мірскихъ поповъ, стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ, боярскихъ дѣтей, пріѣзжихъ купцовъ, всякихъ

служилыхъ, жилецкихъ и уѣздныхъ людей и читать имъ царскія грамоты. Но эти блюстители нравственности и охранители вѣры были едва-ли лучше тѣхъ, кому они грозили кнутомъ и батогомъ, или отличались только показнымъ благочестіемъ. Это въ своемъ родѣ русскіе фарисеи. Святительское руководство всюду являлось незамѣнимымъ и полезнѣе кнута съ батогомъ, которыми распоряжались воеводы охранители православія. Но почти всѣ сѣверо-восточные архіереи продолжали имѣть громадныя епархіи; у нѣкоторыхъ изъ нихъ онѣ разрослись до необычайныхъ размѣровъ. Патріаршая область и Сибирская епархія совсѣмъ не идутъ въ сравненіе съ нынѣшними епархіями.

Со времени раздѣленія митрополій (1459 г.) въ продолженіе двухъ вѣковъ къ половинѣ XVII в. открылось всего четыре епархіи: *Казанская* (1555 г.), *Псковская* (1589 г.), *Астраханская* (1602 г.) и *Сибирская* (1620 г.). Изъ нихъ только одна Псковская выдѣлена изъ старой и обширной Новгородской епархіи, и то по причинѣ постоянныхъ размолвокъ, касавшихся, какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ отношеній двухъ вѣчевыхъ городовъ. Три остальныя епархіи образовались во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ и странахъ.

Соборы второй половины XVII в. значительно подвинули вопросъ объ открытіи новыхъ епархій, хотя и въ недостаточной мѣрѣ. Епархіи открывались не особенно быстро. На соборѣ 1657 года по желанію п. Никона и царя возстановлена западно-окраинная *Смоленская* епархія въ возвращенной отъ Польши Смоленской области; вновь открыта *Вятская* въ земляхъ Вятской и Великопермской, гдѣ были мѣста, отстоявшія отъ каѳедральныхъ городовъ на разстояніи

1500 вер. и гдѣ, по словамъ Никона, среди христіанъ сохранились языческіе обряды и не переводилось идолопоклонство. Но съ открытіемъ Вятской епархіи, совсѣмъ напрасно, закрылась Коломенская, будучи присоединена, по близости, къ громадной патріаршей области. Такимъ образомъ число епархій увеличилось всего на одну, при чемъ въ общемъ территорія старыхъ епархій нисколько не уменьшилась.

Соборъ 1667 года, осудившій Никона и расколъ, охватившій быстрымъ пламенемъ русское скудоуміе, серьезнѣе занялся вопросомъ объ епархіальномъ устройствѣ русской церкви и прибавкѣ архіереевъ, чтобъ „богохранимому Россійскому царству быть не безъ довольныхъ пастырей и чтобы многая жатва не оставалась безъ дѣлателей, но чтобъ русское богоспасаемое царство управлялось и расширялось православіемъ въ родъ и родъ“. Соборъ вспомнилъ почти за сто лѣтъ былое—грамоту объ учрежденіи патріаршества (1589 г.); оказалось, что изъ восьми вновь намѣченныхъ тогда къ открытію епархій открыта всего одна Псковская. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ восточныхъ патріарховъ, соборъ задумалъ было ввести на Руси окружное митрополичье управленіе, подчинивъ митрополитамъ подвластныхъ епископовъ, чѣмъ, кажется, только помѣшалъ дѣлу открытія и территоріальнаго переустройства сѣверо-восточныхъ епархій. Изъ намѣченныхъ къ открытію девятнадцати новыхъ архіерейскихъ каѳедръ открыта только одна, *Бѣлгородская*. Ей подчинено 37 городовъ въ придонскомъ бассейнѣ, гдѣ поселилось много выходцевъ изъ Польской Малороссіи и построено нѣсколько городовъ по Бѣлгородской крѣпостной линіи. Возстановлена *Коломенская* епархія. Открытія новыхъ епархій въ территоріяхъ сильныхъ владыкъ, укрѣпив-

шихся около Москвы, такъ и не послѣдовало. Только нѣсколько спустя, въ 1672 году, когда скончался п. Іоасафъ и не былъ назначенъ новый, изъ патріаршей области на восточной окраинѣ выдѣлена *Нижегородская* епархія, гдѣ особенно усиливался расколъ.

Чрезъ два года соборъ 1674 г. занялся вопросомъ о приведеніи епархіальныхъ границъ въ соотвѣтствіе съ уѣздными, такъ чтобы уѣзды, съ находящимися въ нихъ приписными иноепархіальными монастырями и вотчинными церквами, полностью входили въ составъ той епархіи, которой принадлежалъ городъ. Незначительнымъ выправленіемъ епархіальныхъ границъ и послѣдовавшей затѣмъ припиской нѣсколькихъ городовъ или частей уѣздовъ изъ одной епархіи въ другую закончилась эта полумѣра упорядоченія и уменьшенія епархіальныхъ территорій русской церкви. При самыхъ сильныхъ побужденіяхъ открыть возможно больше новыхъ епархій, выступало не меньше побужденій воздержаться отъ открытія ихъ. Первѣе всего мѣшала недостаточность средствъ содержанія архіерейскихъ каѳедръ.

Тогдашняя Россія не могла обезпечить потребнаго числа епархій съ ихъ архіерейскими домами. Правда, прошелъ періодъ повсюднаго разоренія русскихъ городовъ и поселеній въ смутныя времена самозванщины, но и не наступило еще время изобилія, когда бы Русь могла вполнѣ успокоиться и поправиться. Конецъ XVI в. и начало XVII в. оставили въ наслѣдіе всему столѣтію экономическое банкратство. Церковь раздѣляла общую участь съ государствомъ; тягловое духовенство съ народомъ. Перемежающіяся войны требовали денегъ и людей; моровая язва, разразившаяся во второй половинѣ XVII в., вырвала сотни

тысячъ жизней; постоянная вольная и невольная колонизація обширныхъ окраинъ продолжалась на счетъ центра, гдѣ еще не было излишка въ людяхъ; постоянные пожары, неурожаи и опустошительные набѣги разбойничихъ шаекъ и степныхъ кочевниковъ подрывали всякое благосостояніе разорившагося крестьянства, на счетъ и при помощи котораго питались всѣ.

При повсюдномъ соціально-экономическомъ кризисѣ на Руси въ XVII в., когда платежныя силы государственной казны и казны архіерейскихъ домовъ съ каждымъ годомъ слабѣли, а платежи и налоги, какъ на крестьянъ, такъ и на тяглое духовенство, увеличивались, за неимѣніемъ средствъ, не представилось возможности выполнить даже десятой доли проекта собора 1681—1682 г. о прибавкѣ архіерейскихъ каѳедръ, какъ самой существенной мѣры „къ умноженію имени въ Троицѣ славимаго Бога, христіаномъ на распространеніе и противникомъ церковнымъ на искорененіе“, а въ народѣ на искорененіе того, о чемъ нельзя „потонку“ говорить. Однако становилось слишкомъ яснымъ, что народное просвѣщеніе необходимо и должно быть поручено представителямъ іерархіи. Школа и подготовленное духовенство могли помочь епархіальнымъ архіереямъ, обязаннымъ стоять во главѣ просвѣтительнаго движенія. Къ сожалѣнію въ продолженіе всей второй половины XVII в. Московская Русь затруднялась при выборѣ типа общеобразовательной школы. Во время броженій въ государственной и церковной жизни столкнулись греческое вліяніе съ латино-польскимъ. Борьба теченій мѣшала выработкѣ школьной программы и прочности самой школы. Понятіе „латинскій“ начинало брать верхъ надъ понятіемъ „греческій“, византійскій; тѣмъ не менѣе сила старыхъ традицій

не уступала латино-польскимъ новшествамъ. Столичная школа долго не упрочивалась, чтобы быть образцомъ для епархіальной школы, гдѣ могли воспитаться ближайшіе архіерейскіе помощники—приходское духовенство, непосредственно стоявшее при народѣ. Отсутствіе образцовой школы и годныхъ учителей, при малочисленности архіерейскихъ каѳедръ и обширности епархій, ставило высшую іерархію въ затруднительныя условія по дѣлу народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, какъ въ дни Стоглава, такъ и теперь, епархіальные архіереи при участіи духовенства скорѣе другихъ могли искоренить церковныя нестроенія, какъ плодъ невѣжества народныхъ массъ.

Правительство вполнѣ понимало, что христіанская вѣра не расширялась, а развратники церкви умножались, не имѣя себѣ возбраненія въ лицѣ архіерея, потому что городъ отъ города и мѣсто отъ мѣста по епархіямъ имѣли громадныя разстоянія. Въ Сибири разстояніе между нѣкоторыми мѣстами съ трудомъ можно было пройти въ годъ, въ полтора, даже два. Составители проектовъ, предложенныхъ отъ имени царя на соборѣ 1681—1682 гг., очень возревновали о церкви, но погорячились, задумавъ даже Сибирь раздѣлить такъ, чтобы епархія владѣнія своего больше 200 верстъ не имѣла. Конечно невозможное сразу вычеркнули изъ проекта. Въ новыхъ соборныхъ предложеніяхъ на всей территоріи Московскаго патріархата составители проектовъ предполагали прибавить сначала около 70 каѳедръ; затѣмъ, убавляя постепенно съ 70 на 34, съ 34 на 22, съ 22 на 15, съ 15 на 11, въ концѣ концовъ открыли всего четыре новыхъ епархіи — двѣ на сѣверной окраинѣ и двѣ на южной. Изъ громадной Новгородской выдѣлена *Холмогорская*, изъ Ростов-

ской—*Великоустюжская*, изъ Рязанской двѣ: *Воронежская* и *Тамбовская*. Несомнѣнно, что отцамъ собора, открывавшимъ четыре епархіи вмѣсто 70, помимо случайныхъ политическихъ и другихъ, правда, очень серьезныхъ соображеній [1]), приходилось считаться съ экономическими затрудненіями. Нѣкоторыя епархіи, громадныя пространствомъ, были крайне бѣдны. Астраханская епархія, не имѣвшая вотчинъ и богатыхъ монастырей, имѣла всего 30 церквей на обширномъ нижневолжскомъ бассейнѣ, почти отъ Самарской Луки до Кавказа. А между тѣмъ по первому проекту въ ней предполагалось открыть пять новыхъ каѳедръ — на Терекѣ, въ Саратовѣ, съ припиской Самары изъ Казанской епархіи, въ Царицынѣ, на Черномъ Яру и въ Красномъ Яру. По территоріи каждая изъ этихъ епархій могла быть не маленькой, но за то поразительно бѣдной и церквами, и средствами. Только теперь, чрезъ 200 лѣтъ, это пространство раздѣлено между четырьмя епархіями. Тогдашніе окраинные уѣзды въ пространственномъ отношеніи въ отдѣльности могли составить очень обширныя епархіи. Напр. Олонецкій уѣздъ занималъ территорію въ 5895 кв. верстъ; въ немъ было разбрасано 35 церквей и на каждую церковь приходилось въ окружности около 672 верстъ. Нечего гово-

---

[1]) Проектъ объ открытіи вновь 70 епархій съ раздѣленіемъ ихъ на митрополичьи округи совпалъ съ проектомъ объ учрежденіи намѣстничествъ во главѣ съ вѣчными намѣстниками великородными людьми. Въ такомъ проектѣ патріархъ Іоакимъ увидѣлъ опасность для русскаго единодержавія, хранимаго церковью. Помимо этого раздѣленіе церковной территоріи на митрополичьи округи, съ подчиненіемъ однихъ архіереевъ другимъ, какъ это было въ греческой церкви, являлось нововведеніемъ. Начальничество могло вызвать между архіереями „распри и высости“, ведущія къ нестроеніямъ въ церкви, а въ народѣ могущія вызвать „молву и укоризну“.

рить про Сибирь. Тамъ, судя по пространству, въ каждомъ поселкѣ можно было открывать архіерейскую каѳедру. Управленіе ею свело съ ума ревнителя православія и образованнаго человѣка м. Игнатія.

Послѣ собора 1682 года смерть молодого царя Ѳеодора Алексѣевича, смуты въ царской семьѣ, малороссійскія дѣла, войны, петровскія преобразованія, утилитарный взглядъ на церковь самого Петра и вообще переломъ старо-русской жизни замяли вопросъ объ упорядоченіи церковной жизни при посредствѣ открытія новыхъ епархій и прибавки архіереевъ. Само правительство беретъ на себя просвѣтительныя задачи и понимаетъ ихъ по своему. Петровская регламентація, постоянные, иногда „не осмотря“ составляемые, указы и административное чиновничество всюду стали убивать живую личность, каковой безъ сомнѣнія могъ быть архіерей, какъ мѣстный дѣятель и членъ собора подъ предсѣдательствомъ патріарха. Съ XVIII в. начинается иная исторія сѣверо-восточныхъ іерарховъ и епархій. Впрочемъ епархіи долго еще остаются обширными и неудобными для управленія, но уже не составляютъ собой того цѣлаго, какое составляли имѣя во главѣ патріарха. Со времени Петра церковь уступаетъ государству и іерархія вынуждается дѣйствовать по правительственнымъ распоряженіямъ.

Въ общей тогдашней исторіи сѣверо-восточной церкви отраднымъ явленіемъ было окончательное присоединеніе къ ней въ 1686 г. давно отдѣлившагося кіевскаго митрополита, впрочемъ и теперь сохранившаго всѣ особенности малороссійскаго епархіальнаго управленія.

Кіевская митрополія и тамошнія епархіи, послѣ раздѣленія, пережили тяжелыя времена. Латинская про-

паганда и унія наложили особый отпечатокъ на религіозную жизнь и епархіальное управленіе западно-русской церкви. Бывали времена, когда изъ всѣхъ западныхъ епархій за православными оставалась всего одна.

Послѣ Брестскаго собора (1596 г.) у православныхъ оставалось два архіерея: львовскій и перемышльскій; ихъ епархіи находились въ старыхъ русскихъ владѣніяхъ Польши, въ бассейнѣ Днѣстра и Буга. Вся остальная искони православная западная Русь, до нынѣшнихъ Харьковской, Курской, Орловской и Смоленской епархій, около 40 лѣтъ оставалась безъ православнаго архіерея. Въ 1610 г. на всю западную Русь остался одинъ православный архіерей въ предѣлахъ Галиціи на самомъ юго-западѣ древней Руси. Легко представить, каково было ему бороться за права и интересы православія. Онъ сосредочивалъ около себя народныхъ борцовъ за вѣру и народность въ угнетенномъ краѣ. Западно-русскія православныя братства значительно облегчали его усилія на защиту православія. Въ 1632 году за православными вмѣсто прежнихъ 9-ти каѳедръ утверждены только 5. Но и пяти владыкамъ трудно было бороться противъ сильныхъ латинскихъ арцибискуповъ и бискуповъ, уніатскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Спутанность территорій, гдѣ рядомъ стояли костелы, уніатскіе и православные храмы, оказывалась весьма невыгодной для греческой вѣры. Покровительство Москвы облегчало участь угнетеннаго православія, особенно по сю сторону Днѣпра. Во второй половинѣ начались народныя движенія, во главѣ которыхъ встало казачество. Движенія разрѣшились присоединеніемъ восточной Малороссіи къ Московскому патріархату. Положеніе епархій, оставшихся въ польскихъ владѣніяхъ,

измѣнилось къ худшему. Онѣ почти всѣ достались уніатамъ. Православной осталось одна Бѣлорусская, тяготѣвшая къ Москвѣ вмѣстѣ съ вошедшими въ составъ Московскаго патріархата Кіевской митрополіей, Черниговской архіепископіей и Переяславскимъ коадъюторствомъ Кіевской митрополіи, открытымъ въ 1701 г. Дальнѣйшая судьба, какъ сѣверо-восточныхъ, такъ и юго-западныхъ епархій, относится къ новому періоду исторіи русскихъ епархій, начавшемуся съ XVIII в.

Не безъ труда, но можно послѣдовательно воспроизвести и уяснить исторію епархіальнаго устройства Русской церкви. Возстановить съ возможной точностью старинное географическое дѣленіе русской церковной территоріи на епархіи и тѣмъ самымъ показать область вѣдѣнія и владѣнія каждаго отдѣльнаго архіерея, положительно трудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важно для научной исторіи Русской церкви и уясненія условій служенія русской высшей іерархіи.

Давно толкуютъ, что первой страницей исторіи должна быть географическая ландкарта [1]), не только какъ вспомогательное средство знать гдѣ и что случилось, но и какъ богатый источникъ для изученія народности, народной жизни и ея особенностей въ зависимости отъ окружающей природы и мѣстности, оставляющихъ особый отпечатокъ на нравахъ и даже вѣрованіяхъ жителей. Отмѣтить этнографическія особенности старыхъ народовъ Россіи важно не только для гражданскаго историка, но и для церковнаго, изучающаго живую старину. Въ настоящее время бо-

---

[1]) См. И. Филевичъ.... Исторія Древней Руси. т. I, стр. 30—31. Варшава 1896 г.

лѣе внимательное изученіе удѣльной эпохи постепенно выясняетъ, что каждое удѣльное княжество представляло собой самостоятельную политическую единицу, возникшую на этнографической основѣ. Союзы княжествъ носили характеръ областныхъ. Въ зависимости отъ такихъ взглядовъ измѣнился и самый методъ изслѣдованія судьбы русской земли. Этнографія полагается въ основу изслѣдованія. Такимъ путемъ явился рядъ очень цѣнныхъ изслѣдованій: г. Багалѣя—о Сѣверской землѣ, г. Андріашева о Волынской землѣ, г. Голубовскаго о Смоленской землѣ, г. Грушевскаго о Кіевской землѣ, г. Молчановскаго о Подольской землѣ и въ самое послѣднее время г. Ляскоронскаго о Переяславской землѣ.

Видимо, что и первоначальное дѣленіе Россіи на епархіи, въ соотвѣтствіи съ дѣленіемъ на удѣлы, примѣнялось къ этнографическимъ условіямъ. Укажемъ въ примѣръ первоначальныя сѣверо-восточныя епархіи. Новгородскую составили сѣверныя славянскія племена ильменскихъ славянъ съ кривичами; затѣмъ первые двинулись на сѣверъ и подчинили себѣ тамошнія финскія племена; вмѣстѣ съ движеніемъ ихъ расширилась и церковная область новгородскаго владыки; земли кривичей образовали особую Смоленскую епархію; юго-восточныя сосѣднія славянскія племена сѣверянъ, родимичей и вятичей образовали Черниговскую епархію; вятичи по сосѣдству объединились съ финскими племенами мещерой и муромой и вмѣстѣ съ ними выдѣлились въ особую епархію Муромо-Рязанскую; два чисто славянскихъ племени сѣверянъ и родимичей остались въ территоріи прежней Черниговской епархіи. Интересно знать, какъ сказалось на вѣрованіяхъ и нравахъ муромо-рязанской паствы смѣшеніе славян-

скаго племени съ финскимъ. Извѣстно одно, что инородцы упорно не хотѣли знать христіанства, даже въ XVII в. при Мисаилѣ; несомнѣнно и то, что вѣрованія черниговской паствы были чище вѣрованій рязанской. Чисто финскія племена, составившія Ростовскую епархію, оказались не особенно воспріимчивыми къ усвоенію христіанскихъ понятій. Съ развитіемъ государственности, конечно, всюду стали слабѣть этнографическія начала, тѣмъ не менѣе въ исторіи епархіальнаго устройства они, видимо, долго идутъ въ параллели съ государственными началами. Открытая въ 1383 году Великопермская епархія представляетъ собой особую церковную этнографическую единицу; начальная Казанская и Астраханская тоже; позже составъ Вятской епархіи скорѣе имѣлъ этнографическую связь; по этнографическимъ условіямъ и Сибирь удобнѣе было вѣдать вологодскому архіерею, управлявшему Пермью, примыкавшей къ сибирскимъ инородцамъ; наконецъ область украинной Бѣлогородской епархіи выдѣлена едва-ли не на основаніи этнографическихъ особенностей; тоже нужно сказать о Нижегородской и др. епархіяхъ, открытыхъ въ XVII в. Мы согласны, что будетъ очень смѣлымъ предположеніе, что этнографическая связь каждой отдѣльной старо-русской епархіи при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ епархіальной жизни въ нѣкоторой мѣрѣ содѣйствовала постепенному внѣшнему росту и внутреннему скрѣпленію разныхъ, но родственныхъ племенъ и народовъ, составлявшихъ русскую церковь. Еще болѣе смѣлымъ предположеніемъ будетъ мысль, что вообще дѣленіе Русской церкви на епархіи, примѣнительно къ этнографическимъ особенностямъ каждой народности, быть можетъ оказалось бы для церкви болѣе полезнымъ, чѣмъ примѣненное только

къ гражданскому дѣленію, далеко не соотвѣтствующему этнографической связи народовъ. Христіанство, усвоенное отдѣльными инородческими племенами подъ руководствомъ своего особаго архіерея, вполнѣ понимающаго свою паству и ея особенности, легче объединитъ разныя этнографическія единицы. Но такъ какъ все это предположенія, о которыхъ можно только говорить, то вопросъ о пользѣ этнографическаго дѣленія русской церковной территоріи на епархіи оставляемъ открытымъ для научныхъ изслѣдованій. Нынѣ нѣтъ надобности доказывать, что народъ имѣетъ свою церковную исторію, неотдѣлимую отъ исторіи іерархіи, и что этнографія съ географіей могутъ служить лучшими источниками для всесторонняго изученія народной жизни.

Для изученія русской гражданской исторіи давно составлено много географическихъ атласовъ, хотя и не вполнѣ удовлетворительныхъ, такъ какъ ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ дѣленій Россіи на административно-государственные округи: удѣлы, воеводства, уѣзды и т. п. въ XVI и XVII вв.

Русская церковная исторія, какъ наука, не имѣетъ никакого спеціальнаго атласа съ нанесенными на него епархіальными границами, городами, монастырями ни за одно столѣтіе. Въ подробнѣйшихъ генеральныхъ картахъ Европейской Россіи рѣдко можно встрѣтить названіе даже Троице-Сергіевой лавры. До сего времени церковную исторію приходится изучать „безъ знанія географскаго“, а это, по выраженію Регламента, все равно, что съ завязанными глазами по улицамъ ходить. Взявшись за трудъ показать составъ и предѣлы русскихъ епархій въ XVI—XVII вв. и составивъ, хотя еще далеко не точную, карту епархіальнаго дѣленія Московскаго патріархата во второй половинѣ XVII в.,

мы старались хоть сколько-нибудь поднять глазную повязку и дать возможность, хотя бы ощупью и не сразу, найти тотъ или другой домъ въ знакомой улицѣ. Составленіе русскаго церковно-историческаго атласа неотложная нужда для изучающаго исторію русской церкви и интересующагося, какъ прошлой, такъ и настоящей жизнью ея.

Нынѣ все опредѣляется гражданскимъ дѣленіемъ на губерніи и уѣзды, тогда какъ существуетъ и церковно-административное дѣленіе. Правда, въ настоящее время оно совпадаетъ съ гражданскимъ, но намъ всегда казалось нѣсколько страннымъ, почему, напр., монастыри и приходскія церкви въ историческихъ трудахъ и оффиціальныхъ бумагахъ географически опредѣляются губерніями, а не епархіями. Можно указать на капитальный справочный трудъ Звѣринскаго. „Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ“ въ трехъ выпускахъ, гдѣ монастыри распредѣляются по областямъ и губерніямъ. Въ лучшихъ архивныхъ описаніяхъ монастыри географически чаще опредѣляются также по губерніямъ, а не епархіямъ [1]).

---

[1]) Очень странно слѣдующее обстоятельство. Въ 60 годахъ настоящаго столѣтія вышло правительственное распоряженіе составлять ист.-статист. описанія епархій; составлена была программа этихъ описаній съ разными пунктами, въ которыхъ не оказалось важнаго пункта о составѣ и предѣлахъ епархій... Только нѣкоторые составители вскользь отвели мѣсто и этому пункту, напр. въ описаніи Смоленской и Тамбовской епархій. Нынѣ пунктъ о территоріяхъ епархій признается необходимымъ даже въ описаніяхъ жизни и трудовъ русскихъ іерарховъ. Въ программѣ конкурснаго сочиненія на премію о Георгіи Конисскомъ, архіепископѣ могилевскомъ, требуется, чтобы въ изслѣдованіе, на ряду съ полной біографіей архіепископа и состояніемъ православія, латинства и уніатства въ обширной Бѣлорусской епархіи, вошла и исторія этой епар-

Нѣсколько странно и то, почему духовенство въ разныхъ прошеніяхъ, а духовное начальство въ отвѣтахъ на нихъ прописываетъ „священникъ, дьяконъ или псаломщикъ такой-то губерніи, такого-то уѣзда и села“; не логичнѣе-ли было писать „священникъ, дьяконъ, псаломщикъ такой-то епархіи, такого-то благочинническаго округа и прихода“. Наконецъ, почему въ аттестатахъ и свидѣтельствахъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній прописываютъ: сынъ священника или дьякона или псаломщика такой-то губерніи, а не епархіи?.... Кажется все отъ того, что мы съ дѣтства и въ свѣтской и духовной школѣ привыкаемъ къ гражданскому административному дѣленію Россіи, а не къ церковному. Гражданскія географическія карты каждый изъ насъ имѣетъ въ календарѣ, купленномъ за 15—5 коп., а церковныхъ и дорогой цѣной нельзя купить, потому что ихъ нѣтъ. Какъ же привыкать къ тому, чего мы и не видимъ! А между тѣмъ церковное дѣленіе не должно совершенно забываться. По крайней мѣрѣ нынѣ ученые люди приходятъ къ мысли, что единицей, совмѣщающей въ себѣ интересы всѣхъ классовъ населенія, является „церковный приходъ“ [1]), какъ волость примѣнительно къ государству. Особенно этой единицы, а съ ней церковнаго стараго и новаго дѣленія не слѣдуетъ забывать духовенству и всѣмъ работающимъ въ области русской церковной исторіи. А чтобы и всѣ помнили церковное дѣленіе необходимы церковныя географическія карты и атласы

хіи съ указаніемъ ея предѣловъ, измѣненія въ составѣ ея, числа въ ней церквей, приходовъ и монастырей (Тр. Кіев. Дух. Акад. 1896 г. ноябрь).

[1]) Рефератъ г. С. А. Дедулина „Организація сельскаго и волостного управленія“ въ собраніи Петерб. Экономистовъ 28 ноября 1897 г. (Нов. Вр. 1897 г. № 1818).

съ нанесенными на нихъ епархіальными городами и монастырями. Черновой и самой общей подготовительной работой для составленія русскаго церковно-историческаго атласа я осмѣливаюсь назвать свой опытъ церковно-историческаго, статистическаго и географическаго изслѣдованія о русскихъ епархіяхъ въ XVI—XVII в.

Исторія епархіальнаго устройства русской церкви и старо-русская церковная географія съ этнографіей въ дальнѣйшей разработкѣ несомнѣнно уяснитъ многое, какъ людямъ, интересующимся прошлой жизнью отечественной церкви, такъ и строгимъ обличителямъ высшей іерархіи и духовенства, которыя платили дань времени и не отдавались прямымъ обязанностямъ учить народъ. Но одно то, что при невозможныхъ условіяхъ своего служенія высшая іерархія все-таки помнила свой долгъ, снимаетъ съ нея половину вины. Правительство всегда считало ее призванной служить народу и учить его. Духовенство, если не вполнѣ и не все, оправдывало такой взглядъ. При знакомствѣ съ уцѣлѣвшими, сравнительно немногочисленными, писцовыми и переписными книгами можно встрѣчаться съ отрадными фактами, какъ даже безвѣстные приходскіе священники трудились въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ описаніи г. Боровска 1685 г., между прочимъ, записано: „подлѣ торговой площади и калужской дороги построена богадѣльня, а въ ней живутъ нищіе, да подлѣ той богадѣльни построена школа для ученія дѣтямъ, строенія та школа рождественскаго попа Ефима и земли подъ той школой по мѣрѣ въ длину 6 сажень, а поперекъ 4“. (Опис. Док. и Бум. Арх. М. Ю. I, отд. III). Дальнѣйшая разработка архивныхъ матеріаловъ, возстанавливающая подлинную старину и будущая живая дѣя-

тельность самого духовенства, поставленнаго въ лучшія условія, сравнительно съ его несчастными предками, при общемъ сочувствіи къ народному образованію, можно надѣяться, совсѣмъ оправдаетъ іерархію и духовенство въ качествѣ учительнаго сословія.

